

1974 год для сотрудников и студентов кафедры этнографии и антропологии Ленинградского университета был шестым годом полевых этнографических, палео-этнографических и антропологических исследований, которые проводятся в соответствии с планами научной работы кафедры и преследуют цель привить студентам навыки самостоятельной практической работы.

В экспедициях кафедры участвуют все ее сотрудники и все студенты от I-го до IV курса включительно. Экспедиции осуществляют свою работу в сотрудничестве с академическими учреждениями страны (Институт этнографии, Институт археологии, институты Сибирского отделения АН СССР, Коми филиала, Дагестанского филиала и Якутского филиала АН СССР), местными вузами, музеями, обществами охраны памятников и научно-исследовательскими институтами. Подобная кооперация позволяет приблизить полевые исследования к насущным потребностям этнографии и антропологии и дает возможность охватывать довольно большие этнические территории.

В 1974 году, как и прежде, полевые исследования вели две экспедиции: Сибирская комплексная (нач. Р. Ф. Итс) и Северо-Кавказская археолого-этнографическая (нач. А. В. Гадло). Студенты и аспиранты кафедры антропологии были направлены на самостоятельную антропологическую работу в Туву и в Республику Маги. Помимо указанных экспедиций, кафедрой по просьбе Коми филиала АН СССР и Ленинградского общества охраны памятников культуры были созданы два отряда: Северокомийский этнографический (нач. Г. Н. Романова), в задачу которого входило изучение домашних промыслов и традиционного хозяйства оленных коми; и Ленинградский историко-архитектурный (нач. С. С. Григорьев), собиравший материал по материальной и духовной культуре дореволюционного села бывшей Петербургской губ.

В составе Сибирской комплексной экспедиции работали два этнографических отряда: Обский (нач. Р. Ф. Итс) и Тувинский (нач. Б. П. Шишло). В задачу отрядов входил сбор материала по традиционной культуре хантов и тувинцев, живущих в зоне начавшихся крупномасштабныхстроек. У хантов работа носила характер предварительной разведки, однако удалось собрать интересный материал по поселениям, традиционным видам занятий, по семейно-родовому составу, по погребальному обряду. В работе отряда принимал участие стажер из Кембриджа (Институт полярных исследований) Ф. Лайтон, рассказавший об итогах экспедиции на заседании Антропологического института Королевского общества Великобритании.

Тувинский отряд продолжил работы, начатые в прошлые годы на территории будущего Тувинского моря (Улугхемский район, пос. Чаа-холь, Урбюн, Кара-тал и др.), причем в данный сезон удалось собрать малоизвестный материал по семейным обрядам и доламаистским верованиям тувинцев. Итоги работ экспедиции в Сибирь были доложены на Ученом совете истфака ЛГУ во время научной сессии.

Северо-Кавказская экспедиция работала двумя отрядами — палеоэтнографическим, продолжившим изучение аланской проблемы с учетом начавшегося совместно с венгерскими коллегами (Будапештский университет им. Л. Этвеша) исследования проблем этнической истории мадьяр, и этнографическим, собиравшим материал по патристической организации карачаевцев.

В 1975 г. обе экспедиции продолжают свои работы, расширив (учитывая предложения СО АН СССР и Кемеровского университета) зону исследования.

Р. Ф. Итс

* * *

В июле 1974 г. в Котласском и Вилегодском районах Архангельской области (по реке Вычегде и ее притоку реке Виледи) работала фольклорная экспедиция филологического факультета МГУ, организованная кафедрой русского народного творчества.

Цель экспедиции — изучение современного состояния фольклора русского Севера.

Работа велась тремя группами (30 человек) под руководством В. Н. Кочетова, А. В. Кулагинной и Ф. М. Селиванова (начальник экспедиции). Общее количество записанного материала — 9040 текстов (включая варианты).

Группа В. Н. Кочетова (11 человек) в верхнем течении реки Виледи обследовала 30 деревень Селянского и Вилегодского сельсоветов. Ею записано свыше 2500 текстов: эпических песен — 18 (17 баллад, в основном поздних, и 1 историческая песня), сказок (волшебных, о животных и бытовых) и анекдотов — 120, произведений несказочной прозы — 76 (71 быличка и 5 преданий), произведений обрядовой поэзии — 109 (3 календарных песни, 21 свадебная лирическая, 17 величальных и корильных, 68 заговоров и «рецептов» народной медицины), описаний свадебных обрядов — 6, необрядовых песен — 344 (135 протяжных лирических, 7 частых, 110 плясовых и хоровадных, 92 песни литературного происхождения и романа), частушек — 1570, произведений малых жанров — 293 (267 загадок, 15 пословиц и поговорок, 11 присказок и прибауток), детского фольклора — 27.

Часть песен записана от хоров в деревнях Дресвянка и Новораспаханная (хор из Дресвянки еще совсем недавно «играл» на сцене местного клуба традиционную свадьбу, но воспроизвести этот обряд для собирателей не смог).

Группа А. В. Кулагиной (10 человек) работала в районе среднего течения реки Виледи. Было обследовано 45 населенных пунктов Павловского сельсовета и 63 — Ильинского. Записан 3151 текст: 1 былина, 20 баллад, 31 сказка, 40 быличек и поверий, 10 рассказов о прошлом, 6 описаний свадебного обряда, 16 свадебных причитаний, 6 свадебных лирических песен, 38 величальных и корильных, 5 похоронных причитаний, 92 загадки и «рецепта» народной медицины, 98 лирических протяжных, 130 плясовых, игровых и хороводных песен, 157 песен литературного происхождения и романсов, 2273 частушки, 19 пословиц и поговорок, 18 баек и колыбельных песен, 15 произведений детского фольклора, 35 гаданий и примет и 141 загадка. Несмотря на тщательные поиски, не удалось записать ни одного произведения календарной обрядовой поэзии.

Сохранности фольклора в Вилегодском районе способствуют выступления в районном центре — с. Ильинском женского хора (16 человек), которым руководит И. А. Ердыхова. В репертуаре хора — свадебные песни, протяжные и частые песни, плясовые, хороводные и баллады.

Группа Ф. М. Селиванова (9 человек) работала на реке Вычегде на территории Сольвычегодского, Харитоновского и Коряжемского сельсоветов. Обследовано 35 населенных пунктов. Записано свыше 3000 текстов, в том числе 4 баллады, 1 духовный стих, 53 сказки, 65 пословиц и поговорок, 63 загадки, 100 заговоров и гаданий, 43 былички, 8 описаний свадебных обрядов, 49 свадебных песен, величальных и корильных, 88 протяжных песен, 70 частых, плясовых, игровых, и хороводных, 24 предания и рассказа о прошлом, 47 произведений детского фольклора, 95 песен литературного происхождения, романсов и др.

На основании собранного материала можно, видимо, констатировать, что эпическая традиция в обследованном районе очень слабая. Записи былины (начало «Ивана Годиновича»), немногих поздних исторических песен и баллад («Оклеветанная жена», «Муж жену губил», «За Невагою») не опровергают этого вывода. Наиболее широко в Котласском и Вилегодском районах бытуют необрядовые песни и частушки.

**В. Н. Кочетов, А. В. Кулагина,
Ф. М. Селиванов**

* * *

В июле 1974 г. в Полтавской обл. (в Полтаве, Миргороде, с. Диканьке и окрестных селах) работала девятая экспедиция кружка юных этнографов (собирателей

игр) Московской областной детской экскурсионно-туристской станции (Мособлдетс).

Кружок работает на базе средней школы поселка Лесной городок Одинцовского района Московской области. Руководят им учителя-филологи В. М. Григорьев и Л. И. Григорьева. С 1970 г. кружок по заданию группы фольклора Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая собирает материалы по народным играм и праздничным обрядам. Основное направление работы кружка — стационарное изучение современного игрового репертуара школьников поселка Лесной городок и окрестных сел (микрорайон Лесногогородской школы). За шесть лет там зафиксировано более двух тысяч игровых форм¹. Такое большое количество объясняется тем, что фиксируются все виды игровой деятельности, включая простейшие забавы и различные переходные формы игры, а не только традиционные игры, имеющие устойчивые правила и названия.

Интересно, что в современной детской народной игре прекрасно уживаются рядом переходные формы самых разных этапов исторического развития игры. Какая из форм получит распространение, зависит не столько от традиции, сколько от сложившихся в данный момент условий, влияний (особенно со стороны кино и телевидения) и взаимной договоренности участников игры. Поэтому уследить за переменчивой и прихотливой картиной жизни современной игры способны разве только сами играющие, в нашем случае — школьники. В особенности это относится к подросткам, которые стараются скрыть от посторонних многие свои игры и тем самым вводят в заблуждение взрослых наблюдателей. Однако то же самое стремление к независимости, самостоятельности делает для подростков чрезвычайно привлекательным участие в «настоящем исследовании».

Увлеченность юных этнографов позволяет им преодолеть трудности освоения первоначальных навыков собирательской работы. Первые сообщения о своих наблюдениях юные собиратели делают устно. Записывает игры руководитель или опытный член кружка (инструктор-старшеклассник или студент). Зато наблюдения подростков порой отличаются замечательной зоркостью и знанием самых сокровенных сторон игры. Быстро находят подростки общий язык и с информаторами-сверстниками. Но наиболее ценно в работе коллектива юных собирателей то, что появляется возможность каждую новую игру практически опробовать перед

¹ Вспомним, что в знаменитом сборнике Е. А. Покровского «Детские игры, преимущественно русские» (М., 1887) описано около пятисот игр и даже в своде «Игры народов СССР», составленном В. Н. Всеволодским-Гернгроссом (М., 1933) чуть более 1300 различных игр.

записью, а затем неоднократно повторить ее в процессе описания правил и хода игры. Без этого неизбежны упущения в записи, которых не избежал ни один из собирателей прошлого.

Материалы, собранные стационарно в микрорайоне своей школы, кружок дополнял и проверял путем наблюдений и опросов во время походов и экспедиций по Подмосквовью и в другие районы страны (Поволжье, Ока, Псковщина, Эстония, Белорусия, Украина, Грузия).

В 1974 г. участники экспедиции проводили опрос в разных местах Полтавщины по спискам игр, типичных для Подмоскковья. Оказалось, что все эти игры (более 500) бытуют и на Полтавщине. Совсем иначе обстояло дело с играми, записанными в прошлом веке здесь же, на Украине. Из 76 игр, помещенных в сборнике «Игры народов СССР», были обнаружены лишь «цурки» — вариант «чижики», известного повсеместно и вне Украины. Еще 5 старинных украинских игр сохранились в памяти некото-

рых пожилых людей. Остальные 70 игр никому из опрошенных знакомы не были. Попутно записывался на магнитофон традиционный украинский игровой фольклор, например, хороводные песни. И тут выяснилось, что к сборнику, из которого мы исходили, еще и сейчас можно сделать немало добавлений по традиционному фольклору.

Интересно отметить, что даже терминология игр становится общей для разных мест страны. И тем не менее нельзя сказать, что игры школьников сейчас везде одинаковы. Однако различаются они не набором отдельных игр, а соотношением игровых форм разных типов и другими структурными особенностями. Но выявить их во время маршрутной экспедиции трудно. Необходимо расширить стационарное изучение игр в разных районах страны. Целесообразно привлечь к этому школьников, тщательно разработать методику.

В. М. Григорьев